КИЕВСКАЯ ЛЕГЕНДА О КИЕ, ЩЕКЕ И ХОРИВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛЕМИКИ ЛЕТОПИСАНИЯ КИЕВА И НОВГОРОДА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ТАРОНСКОГО ПРЕДАНИЯ О КУАРЕ, МЕЛТЕЕ И ХОРЕАНЕ

В. П. ЯЙЛЕНКО (Москва)

В свое время Н. Я. Марр отметил близость представленной в «Повести временных лет» киевской легенды о Кие, Щеке и Хориве, братьях-основателях соименных поселков в земле полян, содержащемуся в «Истории Тарона» сказанию о Куаре, Мелтее и Хореане, основавших соименные поселения в областях Тарон и Палуник[1]. Эта близость объяснялась исследователями по-разному. Сам Н. Я. Марр думал о происхождении обоих сказаний от общей «скифской» основы. Близкой точки зрения придерживался и Р. О. Якобсон, вскользь высказавший догадку об их некой восточной общей основе[2]. В настоящее время эта позиция может считаться устаревшей, поскольку Н. Я. Марр основывался на своей ложной теории «яфетического» родства, а Р. О. Якобсон исходил из ошибочной посылки о том, что поселения Куарк, Мелди и Хореанк— продукт книжной фантазии (как показал С. Т. Еремян, это реальные населенные пункты, см. ниже).

Наибольшее внимание вопросу о сходстве киевской и таронской легенд уделили историки древней Руси. Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер, М. Ю. Брайчевский, П. П. Толочко полагали, что древняя киевская легенда о братьях-эпонимах Кие, Щеке и Хориве была заимствована армянами и нашла отражение в сказании «Истории Тарона» о Куаре, Мелди и Хореане[3]. Так, по Б. А. Рыбакову, в армянской записи слышен «отзвук славянской легенды», а по М. Ю. Брайчевскому, в рассказе о Куаре, Мелди и Хореане явственно чувствуется древнерусская основа—русская легенда попала в Армению и была здесь расцвечена местными подробностями. Постулируя вторичность армянской легенды относительно киевской и исходя из датировки «Истории Тарона» VI—VII веками, Б. А. Рыбаков, М. Ю. Брайчевский, П. П. Толочко делали вывод о глубокой древности киевской легенды, существовавшей

---

[1] Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева ив Руси.—Избранные работы. Т. 5, М.—Л., 1935, с. 44 сл.

[2] R. Jacobson. Marginalia to Vasmer's Russian etymological dictionary.— International Journal of Slavic linguistics and poetics, 1959, № 1—2, p. 275. Обстоятельную критику воззрений Н. Я. Марра на соотношение киевского и армянского преданий см.: Ya. Dachkévytch. Les arméniens à Kiev (jusqu'a 1240). — REArm., 10, 1973—1974. p. 310—313.

[3] Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, ч. 2. Комментарий. М.—Л., 1950, с. 11, 220; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, с. 22 сл.; Он же. Город Кия.— Вопросы истории, 1980, № 5, с. 31 сл.; М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 1, М., 1958, с. 66; М. Ю. Брайчевский. Когда и как возник Киев. Киев, 1964, с. 96; Он же. К вопросу о русско-армянских связях в период образования Киевской Руси.—В кн.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965, с. 162—168; П. П. Толочко. Возникновение Киева.—В кн.: История Киева. Т. 1, Киев, 1982, с. 50; Он же. Древний Киев. Киев, 1983, с. 19—21.

не позднее V—VI вв. Отсюда логически следовал их вывод о возникновении Киева в указанное время, что, по мнению названных исследователей, находит соответствие в археологических материалах. Сообщение «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) о «великой чести», оказанной князю Кию некнм византийским императором, сопоставлялось ими с известиями византийских авторов о набегах антов на нижнедунайские и фракийские владения Византии в конце V—начале VI вв. (Б. А. Рыбаков) и в середине VI в. (П. П. Толочко) или со сведениями о союзных действиях антов и Византии в 602 г. (М. Ю. Брайчевский), откуда делался вывод о могуществе князя Кия, правившего в Киеве то ли около середины VI в., то ли на рубеже V—VI вв. или VI—VII вв. По мнению Б. А. Рыбакова и П. П. Толочко, археологические материалы показывают, что Киев был крупным славянским центром уже с конца V в., и это также является подтверждением сообщения ПВЛ о могуществе князя Кия. Говоря о заимствованном характере армянского сказания, специалисты по древней Руси отмечали и возможные пути проникновения киевской легенды в Армению. По мнению Д. С. Лихачева, она могла быть занесена туда славянскими дружинами, которые совместно с хазарами вели в VII в. военные действия в Закавказье, возможным пунктом трансмиссии могли быть также русские поселения «древних времен» на Тамани. Согласно Б. А. Рыбакову и М. Ю. Брайчевскому, киевская легенда могла проникнуть в Армению через славян, воевавших на Кавказе и в Малой Азии и частично оседавших там.

Изложенные точки зрения историков-русистов близки друг другу по существу, различаясь в частных моментах. Однако аргументация этого, можно сказать, opinio communis вызывает сомнение в ряде своих основных пунктов. Во-первых, археологические материалы не дают никаких оснований говорить о Киеве не только V—VI, но даже VII—VIII вв. как о крупном славянском центре. Поселения этого времени площадью в 1—2 га на киевских холмах—Старокиевском, Замковом и Детинке—были рядовыми в числе нескольких десятков синхронных древнерусских поселений. Ров, несколько землянок, печь да святилище — вот и все наиболее существенное, что характеризует экистический облик самого крупного из них поселения на Старокиевской горе. Не выделяются особенно эти поселения в числе других также ни по характеру находок, ни по их концентрации. Два-три десятка синхронных поселений древнерусского среднеднепровского ареала были крупнее них, причем десять поселений занимали площадь свыше 15 га, как, например, Каневское[4]. Одно это обстоятельство не позволяет принимать всерьез утверждения о связи небольших киевских городищ с набегами антов на Византию или об их союзнических отношениях с нею. Равным образом трудно уловить что-либо общее между мелкими киевскими поселениями и теми славянами, которые обретались в византийских или хазарских войсках, частично оседали в Малой Азии и на Кавказе или проживали на Тамани. Сомнительно, чтобы уже в V—VIII вв. локальное киевское сказание могло приобрести общедревнерусский характер, т. е. чтобы его знал восточно-славянский мир в целом. Во-вторых, исходный постулат о том, что армянское сказание заимствовано из древнерусского сомнителен уже в силу того, что армянская легенда засвидетельствована в источнике V—VIII вв. («История Тарона»), а киевская —в источнике XI—XII вв. (ПВЛ)[5]. Хронологический приоритет армян-

---

[4] Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984, с. 20—22.

[5] Рассказ о Кие, Щеке и Хориве содержится во вступлении к ПВЛ, которое возникло в начале XII в. (см. ниже). Датировка «Истории Тарона» V—VIII веками пре-

ского источника перед древнерусским сам по себе ставит вопрос о позднейшем характере киевского сказания относительно таронского.

Приведем прежде всего тексты киевского и армянского сказаний и выясним, существует ли между ними взаимосвязь. Текст ПВЛ: «И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хорпвъ, и сестра ихъ Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смысленн, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне»[6].

«История Тарона», по определению С. Т. Еремяна, представляет собой сборник разновременных монастырских записей V—VIII вв. Таронская легенда о Куаре, Мелди и Хореане вкраплена в рассказ об уничтожении языческого святилища Гисанэ и Деметра христианским проповедником IV в. Григором Лусаворичем, который основал на его месте христианский монастырь во имя св. Карапета (наследственными жрецами языческого святилища были потомки Куара): «И построил Куар аван (поселение.—*В. Я.*) и назвал его своим именем Куарк, а Мелтей построил там на равнине аван и назвал Мелти, а младший—Хореан, перейдя в гавар (округ, область.—*В. Я.*) Палуниев, построил там аван и назвал Хореанк» (далее речь идет о постройке братьями святилища Гисанэ и Деметра на горе Карке)[7].

Приведенные киевская и таронская записи близки прежде всего по существу—обе повествуют о построении тремя братьями соименных поселков, причем в обоих случаях, как заметил Я. Р. Дашкевич, речь идет о примерно одинаковых природных условиях—холмистой или гористой местности. Эта фундаментальная близость легенд выражается также в примерно одинаковом способе изложения—с процитированной фразой «Истории Тарона» ср. фразу ПВЛ: «Седяше Кий на горе..., а

обладает в литературе, см.: С. Т. Еремян. О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна.—В кн: Исторические связи и дружба..., с. 151 сл.; К. В. Айвазян. «История Тарона» и армянская литература IV—VII вв. Ереван, 1976, с. 386; по мнению М. Абегяна, «История Тарона» сложилась не ранее VIII в. (М. Абегян. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с. 230). В. Инглисян датировал окончательное оформление этого произведения X—XI веками, отмечая вместе с тем, что оно основано на извлечениях из ранних армянских исторических сочинений—Агатангела, Моисея Хоренского и др. (V. Inglisian. Die armenische Literatur.— Handbuch der Orientalistik. Abt. I, Bd. 7, Leiden, Köln, 1963, S. 182). М. Абегян и В. Инглисян, говоря о VIII или X—XI веках, как времени создания «Истории Тарона», относили к этому времени оформление его в качестве литературного целого, оговаривая при этом, что оно включило более ранние народные предания и сообщения исторических хроник, к числу каковых названные исследователи относили и сказание о Гисанэ и Деметре, частью которого является рассказ о Куаре, Мелди и Хореане. См. об этом также: Ya. Dachkévytch. Les arméniens a Kiev. — REArm., 10, 1973—1974, p. 308. Здесь же см. критику утверждений упомянутых историков-русистов о «могучем» князе Кие (p. 313—316).

[6] Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Ч. 1, М.—Л., 1950, с. 12—13. Далее следует рассказ о дунайском походе князя Кия, который здесь см. ниже, на с. 173—174 (в дальнейшем ссылки на страницы данного издания ПВЛ делаются в тексте статьи).

[7] С. Т. Еремян. О некоторых историко-географических параллелях..., с. 153.

Щекъ седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревица». Наконец, обе легенды близки друг другу в ономастическом плане—имена действующих лиц и топонимика сходны, хотя и не идентичны. Кию соответствует Куар, Хориву—Хореан, гавару Палуник—земля полян, имя Лыбеди находит соответствие в имени св. Карапета (арм. karap «лебедь»), а название горы Kharkhe находит соответствие в арабских и еврейской передачах специфического названия Киева—Kr'kr (консонантная запись еврейского писателя второй половины X в. Иосиппона), krakrija Димашки (1256—1327 гг.)[8] Если бы киевская и таронская версии обнаруживали сходство одного-двух имен или названий, можно было бы сомневаться в их взаимозависимости, но ономастическая близость, как видно, носит фронтальный характер (различаются лишь имена Щека и Мелди), что с учетом семантического единства свидетельствует о теснейшей взаимосвязи киевского и таронского сказаний[9].

Происхождение и характер таронского сказания объяснил С. Т. Еремян, который показал, что упоминаемые в нем поселения реально существовали[10]. Аван Куар, ныне селение Кирави, находится в Тароне около переправы через Евфрат, он возник при родовом замке Мамиконянов Олакане, упоминаемом еще Страбоном (География, XI, 14, 6: 'Ο..α(κα)νή). Расположением около замка могущественного рода, полагает С. Т. Еремян, и объясняется старшинство Куара среди братьев. Название поселка восходит к имени урартского божества Куера. Второй аван Мелти или Мелди (ныне селение Мегди), отмечает С. Т. Еремян, упоминается еще в ассиро-вавилонских надписях как город и страна Мелиду. Аван Хореанк, в отличие от двух предыдущих расположенный не в Тароне. а в гаваре Палуник, исследователь локализует в бассейне одного из притоков реки Боглан-су. Этот гавар был родовой вотчиной нахарарского рода Палуник, образовавшегося, вероятно, после раздела Армении в 387 г. Отметив историзм и других компонентов легенды (переселение индийцев, культ Гисанэ и Деметра), С. Т. Еремян пришел к выводу, что она возникла на основе народного осмысления названий реально существовавших поселений[11].

Аналогичным образом, полагает С. Т. Еремян, возникло и киевское предание[12]. Отмечая неясность сходства обоих сказаний, он склонялся к мысли о возможной независимости их друг от друга. Однако с двумя последними соображениями названного исследователя согласиться нельзя. О генетической взаимосвязи обоих преданий мы уже вели речь вы-

---

[8] Ср. также испорченные позднейшие формы арабских писателей—Каркаяна у Варди (1419 г.), Каркабан у Ибн Ийаса (1448—1524 гг.), см.: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870, с. 198. Текст Иосиппона: Magnae Moraviae fontes historici, T. 3, Brno, 1969. p 380 (с неприемлемой идентификацией); о соотнесении его с киевской землей см.: J. Lelewel. Géographie du Moyen age. T. 3—4, Bruxelles, 1852, p. 17, 189.

[9] Их взаимосвязь отрицал А. П. Новосельцев, но без аргументации (Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.—В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 355), также Д. Іваненко. (Нове дослідження про початки Києва.—Науково-інформ. бюл. Архівн. управ. УРСР, 1964, № 3, с. 79).

[10] С. Т. Еремян. О некоторых историко-географических параллелях..., с. 151 сл.

[11] В результате подробного анализа к заключению об историзме данной легенды пришел и К. В. Айвазян (История Тарона, с. 5—6, 85, 91—92 и сл.).

[12] Так думал уже К. Ф. Тиандер (Русско-датские исследования. Т. 3, Пг., 1915, с. 178).

Киевская легенда о Кие, Щеке и Хориве 171

ше, что же касается происхождения древнерусского сказания, то, если провести такой же топографический анализ, результат будет иной. В киевском предании упоминаются лишь два реально существовавших названия—гора Киевьская и гора Щековица, причем последняя не имеет параллели в таронской легенде[13]. Гора Хоривица фигурирует только в легенде, в качестве же реального киевского микротопонима это название источникам неизвестно[14]. Это обстоятельство дало основание М. Фасмеру и другим исследователям думать об искусственном характере топонима Хоривица, созданном по аналогии с бытовавшим в русской книжно-церковной традиции названием библейской горы на Синае Хорив (греч. Χωρήβ).[15] Иначе говоря, автор предания ПВЛ о Кие и его братьях создал название Хоривица и соответственно производное имя

---

[13] Первая упоминается в записи ПВЛ под 945 г., а вторая помимо легенды из вступления фигурирует еще три раза в качестве места действия различных событий истории Киева.

[14] Лишь в XVI—XVII вв. оно было воскрешено «краеведческой» традицией в качестве названия Вышгорода под Киевом и фигурирует у Стрыйковского, в киевском «Синопсисе» И. Гизеля; показано оно и на плане Киева 1695 г.; см.: Амвросий. История российской иерархии. Ч. 2, М., 1810, с. 625; В. Г. Лясковонский. Киевский Вышгород в удельновечевое время. Киев, 1913, с. XVI сл. Форму Хоревица дают Лаврентьевская и Симеоновская летописи, Ипатьевская и многие другие—Хоривица. Б. А. Рыбаков отождествил с киевской Хоривицей упоминаемый Ибн Русте город (область) Хореван, в котором русы размещали пленных славян (Б. А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 101). Однако уже Д. А. Хвольсон (Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Ибн Даста. Спб., 1869, с. 35, 151), изданием которого пользовался Б. А. Рыбаков, вместо непонятного Ch.ruan подлинника внес легкую для арабской графики конъектуру Хазеран (Хазария); что у Ибн Русте речь действительно идет о Хазарии, показывает упоминание на этом месте хазар в параллельном рассказе Гардизи, в котором говорится, что русы ходят войной на славян, захватывают их, порабощают, отвозят к хазарам и болгарам и продают (см.: Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2, М., 1967, с. 81—82). Таким образом, Ch.ruan рукописи Ибн Русте—испорченное чтение, не имеющее никакого отношения к Хореанку таронской легенды и Хоривице киевского сказания.

[15] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 4, М., 1973, с. 263. «Гора Хоривская», «Хорив» упоминаются в древнерусских сочинениях: Хожение священноинка Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 гг. М., 1896. с. 18, 22, 25; Памятники старинной русской литературы. Спб., 1862. вып. 3, с. 50. Мысль М. Фасмера поддержал А. С. Стрижак, который отметил, что в районе Киева Теофании, где ранее был расположен монастырь, в XIX в. зафиксирован ряд «библейских» микротопонимов—Иоасафова долина, Елеонская гора и др., в том числе Хорив (О. С. Стрижак. Хоревица.—В кн.: Етимологічний словник літописних географічних назв. Південної Русі. Київ, 1985, с. 170). Судя по приведенным здесь А. С. Стрижаком материалам, нынешние украинские топонимы в Волынской и Ровенской областях Хорев, Хоревский, по-видимому, имеют отантропонимическое происхождение подобно польскому Chorowa góra, образованному от имени Chor, ср. болгарские имена Хоров, Хорев, производные от Прохор. «Библейское» происхождение летописного оронима Хоривица снимает этимологию А. И. Соболевского (Русско-скифские этюды.—Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук (далее: ИОРЯС), 1923, 26, с. 41), который связывал название с «древнебактрийским» именем мифической горы Harā (при Haraiva—названии горной области там же).

Хорив на основе библейского оронима Хорив[16]. Такой способ образования названий был свойствен древнерусской ономастической практике: например, известные ПВЛ города на киевщине Триполье и Халеп получили названия по библейским центрам Триполи и Халеппо в Сирии[17]. Основанием для местной, киевской, локализации искусственно созданного летописцем оронима Хоревица мог послужить либо какой-то монастырский микротопоним Хорив, возникший не ранее середины XI в., когда в Киеве был основан первый монастырь (подобно только что упомянутому монастырскому микротопониму Хорив в Теофании), либо отдаленно-созвучный киевский микротопоним Серховица[18].

Итак, в отличие от таронского предания киевская легенда о трех братьях-эпонимах не основана на народном осмыслении трех реально существовавших названий: ее третья пара—ороним Хоривица и производное имя Хорив—искусственное образование летописца. Поскольку оба предания, как мы видели, тесно взаимосвязаны, искусственное воссоздание имени Хорив и, вероятно, микротопонима Хоривица может быть объяснено ориентацией киевского летописца на армянское предание, содержавшее пару Хореанк—Хореан. В связи с этим заключением встает вопрос о причине или целях, которые преследовало создание киевским летописцем легенды о князе Кие и его братьях—основателях городов по образцу армянского предания. Эти причина и цель вырисовываются из сравнения данных о Кие и братьях, содержащихся в предисловиях к ПВЛ и I Новгородской летописи младшего извода (далее:

---

[16] Производство имени Хорив летописцем от микротопонима Хоривица отмечал, в частности: С. Роспонд. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 85.

[17] А. И. Соболевский. Несколько местных названий.—Русский филологический вестник, 1911, 65. с. 407. На это обратили внимание и авторы коллективного труда: Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981. с. 7—8. Не знавший данной точки зрения В. П. Нерознак (Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 175, 183) видел в названии Треполь древнерусское образование из слов *три* и *поле* по типу Трылес, Трызуб, Тредубка, однако это физиографические термины, а не названия городов; для названия Халеп В. П. Нерознак без какой-либо аргументации предполагал «печенежское или половецкое» происхождение. В сравнении с такими объяснениями гипотеза о «библейском» происхождении названий этих рядом стоящих на реке Стугне городов достаточно выигрышна.

[18] Упоминается в Ипатьевской летописи под 1171 г.: «снидоша... дружина Серховицею и риннушася к ним долов», т. е. спустилась по Серховице и ринулась вниз на защитников Киева (Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 2, М., 1962. стб. 544). Судя по этому пассажу, Серховицей назывался холм или спуск с него. П. П. Толочко (Древний Киев, с. 48) отождествлял Серховицу с современным Юрковским спуском. И. П. Новицкий—с горой Юрковицей, Н. И. Петров—с Юрковской улицей, идущей от Лысой горы на Подол (И. М. Железняк. Серховица.—В кн.: Етимологічний словник географічних назв. Південної Руси, с. 142). По аргументированному разъяснению И. М. Железняк, изначально это было название оврага с ручьем; она привела параллели ему в славянской топонимике и связала со старославянским *сръхъкъ*, древнерусским *серехъкыи* «шероховатый, неровный», на основе которых реконструировала древнерусское слово **серховица* со значением «неровная, обрывистая местность» (И. М. Железняк. Летописная Серховица и семантические проблемы топооснов.—В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980, М., 1982, с. 87 сл.) Таким образом, название Серховица перекликается с названием Хоревица (П. П. Толочко даже усматривал в названии Серховица «усложненное и трансформированное», «типично древнерусское выражение «Сехоревица=Хоревица.—Древний Киев, с. 48) случайным звуковым подобием.

НIЛ)[19]. В этих летописях, новгородской и киевской, явственно звучит полемика о происхождении Кия, результатом которой, на наш взгляд, и явилось создание киевским летописцем легенды о трех киевских братьях-эпонимах. Проследим эту полемику, в конечном счете отражающую спор новгородцев и киевлян за первенство своих городов на Руси.

Вступление к НIЛ: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на последнее время, и грады начаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Кыевъ. Яко же древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ, и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая места тако прозвани быша грады в имена царев техъ и князеи техъ; тако жъ и в нашеи стране зван бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицаютъ тако перевозника бывша; инеи же: ловы деяше около города. И тако бо есть промыслъ божии, еже яве в последня: куда же древле погании жряху бесомъ на горах, ныне же паки туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть, безпрестани славяще бога в молитвахъ, въ бдении, в посте и в слезахъ, ихъ же ради молитвъ миръ стоитъ. Аще бо къ святымъ сыи прибегнемъ церквамъ, тем велику ползу приметъ души и телу. Мы же паки на последование возвратимъся, глаголюще сице о начале Русьския земля и о князехъ, како откуду быша. Васъ молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие ихъ... (далее следует осуждение княжеских междоусобиц и мздоимства дружинников.—*В. Я*) Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известьно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья»[20]. Смысл этого текста состоит в том, что город Киев получил название по имени Кия, которого одни называют перевозчиком, а другие звероловом. В литературе обращалось внимание на то, что во вступлении к ПВЛ содержится реплика, ответ на эту версию о Кие—простолюдине[21]. Автор вступления к ПВЛ сначала изложил рассказ о Кие и его братьях-эпонимах, которые «створиша градъ во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киевъ», вслед за чем приступил к непосредственной полемике с новгородским оппонентом (с. 13): «Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с опоя стороны Днепра, темь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду, но се Кий княжаше в роде своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь принялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущу же ему вспять, приде къ Дунаеви, и возлюби место и сруби городокъ малъ и хотяше сести с родомъ своимъ и не даша ему ту близь живущии; еже и доныне наречають дунайци городище

---

[19] Поскольку начальная часть НIЛ сохранилась только в младшем изводе (в Синодальной рукописи, дающей старший извод, начало утеряно), далее под НIЛ подразумевается именно он.

[20] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. с. 103—104.

[21] А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись.—ИОРЯС, XIII, кн. 1. Спб., 1909, с. 269—270; М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. М., 1971, с. 43. Оба исследователя ограничились констатацией самого факта полемики, не исследовав ее причин и следствий.

Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой скончa; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася».

Очевидна полемическая направленность данного пассажа ПВЛ против версии НIЛ о Кие—простолюдине. Анализ соотношения обеих версий сопряжен с комплексом вопросов текстуального и хронологического порядка, к рассмотрению которых мы перейдем[22].

Исследователи по-разному определяли место и время создания вступления к ПВЛ. Н. Н. Яниш, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев полагали, что оно представляет собой вступление к ранней киевской летописи, использованное новгородцами при составлении НIЛ; напротив, А. Г. Кузьмин отмечал, что в этом вступлении нет ничего, что шло бы вразрез с новгородской традицией и считал, что оно составлено в Новгороде в начале XIII в. Противоречивость мнений, на наш взгляд, обусловлена тем, что вступление к НIЛ состоит из двух разновременных частей. Первая часть включает название новгородской летописи («Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския...»), утверждение первенства Новгорода перед Киевом, в развитие чего далее утверждается, что название Киева произошло всего-то от имени простолюдина. Завершается первая часть выражением удовлетворения летописца, что на языческих некогда холмах Киева ныне утвердилось христианство. Вторая часть предисловия никак несвязана тематически с предшествующей—в ней повествуется о княжеских междоусобицах и мздоимстве дружинников. Объединены обе части обычной в летописании скрепой «мы же паки на последование возвратимъся», т. е. продолжим прерванный рассказ. Тематическая несостыкованность обеих частей вступления к НIЛ указывает на их гетерогенное происхождение. Завершается предисловие, как мы видели, обещанием летописца повести свой рассказ «от Михаила цесаря до Александра и Исакья», т. е., на наш взгляд, от Михаила III (842—867 гг.) до Александра (886—913 гг.) и Исаака Комнина (1057—1059 гг.)[23]. Следовательно, предисловие к НIЛ было написано ок. 1057—1059 гг. Но с этой датой не согласуется содержание второй части предисловия к НIЛ, упоминающей половцев (впервые появившихся па Руси в 1061 г.) и перекликающейся с записью ПВЛ под 1065 г. о княжеских междоусобицах и нашествии половцев. Поскольку вторая часть вступления к НIЛ соотносится с 1060-ми годами, противоречивость ее датировке 1057—1059 гг. по упоминанию Исаака Комнина разрешается выводом об инкорпорировании ее в текст вступления к НIЛ. Первая часть этого предисловия, прокламирующая первенство Новгорода перед Киевом и низводящая название последнего к имени простолюдина, вышла из-под пера новгородца, создавшего ок. 1057—1059 гг. местную летопись, а вторая часть, целиком обращенная к южнорусским делам (Новгороду половцы не угрожали), заимствована из киевской летописи.

От чего отталкивался новгородский летописец, предлагая свою версию происхождения названия Киева? Ясно, что вопрос о происхождении этого названия первоначально возник не в Новгороде, а в Киеве, где сначала бытовало устное, а затем записанное предание народноэти-

---

[22] Ввиду значительного объема этот анализ, интересный лишь для русистов, мы здесь даем в крайне сжатом виде.

[23] Исаак Ангел (1185—1195, 1203—1204 гг.) отпадает по той причине, что вступление к ПВЛ, написанное самое позднее в 1119 г., полемизирует с вступлением к НIЛ, которое, следовательно, написано ранее 1119 г.

мологического свойства о Кие—эпониме города[24]. Сделанный нами выше вывод об искусственном воссоздании киевским летописцем микротопонима Хоривица предполагает, что изначально в киевской летописи присутствовало лишь предание о Кие—эпониме города и родовом вожде полян. Такие предания обычны для устной традиции и их включали в себя ранние славянские хроники (ср., например, объяснение в хронике Галла Анонима названия Кракова через имя героя Крака; из имен его дочерей Тэтки и Либуше производились названия чешских городов Тэтина и Либуше в сочинении Козьмы Пражского). Таким образом, присутствие в древнейшей киевской летописи первой половины XI в. предания о Кие—эпониме и родовом вожде—вполне органично. Видимо, здесь фигурировал и Щек, эпоним еще одного киевского поселка, а также Лыбедь, имя сестры, воссозданное народной этимологией по названию местной речки. Это первоначальное ядро может быть вычленено из рассказа древней киевской летописи о Кие и братьях—эпонимах, сохранившегося в составе «Археологии» НIЛ[25], для чего достаточно выделить скобками позднейшую вставку о Хориве: «Начало земли Рускои. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местехъ и странахъ, владеюща кождо родомъ своимъ. И быша [три] братия, единому имя Кии, второму же имя Щекъ [третьему же имя Хорив], а сестра их Лыбедь. И седяше Кыи на горе, идеже ныне увоз Боричевъ, и бе с родомъ своимъ, а братъ его Щекъ на друзии горе, от него же прозвася Щековица [а третии Хоривъ, от него же прозвася Хоривица], и сотворнша градокъ во имя брата своего стареишаго и наркоша имя Кыевъ. И бяше около их лес и бор великъ и бяху ловища зверие, и беша мужи мудри и смыслене, наречахуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыяне» (НIЛ, с. 104—105).

Автор новгородской летописи 1057—1059 гг., движимый целью доказать приоритет Новгорода перед Киевом («преже Новгородчкая волость и потом Кыевская», пишет он), судя по текстуальной перекличке его предисловия с только что приведенной древнейшей киевской записью о Кие, был знаком с последней и, видимо, на основании переосмысления ее данных дал свое объяснение происхождению названия Киева от имени простолюдина Кия. Эта версия была частью местной исторической концепции о начале русского государства в Новгороде, о его первенстве перед Киевом, ибо сначала здесь, на севере, утвердилась династия Рюрика, подчинившая затем южнорусские земли и перенесшая стол в Киев.

Новгородско-варяжской концепции первенства на Руси киевский летописец, автор вступления к ПВЛ, противопоставил киевско-полянскую версию начала русской государственности, по его мнению, всего лишь перенятой Рюриковичами, пришельцами с севера Руси, у древнего полянского княжеского рода Кия[26]. Схема киевского летописца

[24] Например, М. Н. Тихомиров (Русское летописание. М., 1979. с. 47 сл.) выделил из предисловия к ПВЛ «Повесть о начале Руси», включавшую предание о Кие и его братьях и существовавшую уже в первой половине XI в.

[25] «Археологией» НIЛ мы называем запись под условным 854 г., в которой излагаются события древнейшей истории Руси до начала правления Игоря, в том числе рассказ о Кие и его братьях—эпонимах. Этот текст НIЛ, по мысли А. А. Шахматова, принадлежит киевскому Начальному своду XI в., а по мысли М. Х. Алешковского, Несторову тексту ПВЛ 1115 г. Рассказ «Археологии» о Кие первичен относительно близкого рассказа вступления к ПВЛ о нем (последний приведен в начале нашей статьи), см. ниже.

[26] На это обратил внимание А. Г. Кузьмин (Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969, с. 106—108).

следующим образом соотносилась с предшествующим ему летописным материалом. Предание древнейшей киевской летописи первой половины или середины XI в. о Кие—эпониме и племенном вожде—он дополнил указанием на высокий княжеский ранг Кия (к простому «бе с родомъ своимъ» НIЛ, т. е. в древнейшей киевской летописи, ср. «се Кий княжаше в роде своемъ» вступления к ПВЛ), введя его в круг братьев-эпонимов (к Щеку был добавлен Хорив) и сделав их правление наследственным («и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ»—текст, отсутствующий в НIЛ). Схема о трех братьях-основателях была сконструирована киевским летописцем явно в противовес новгородско-варяжской версии о трех братьях-«находниках» Рюрике, Синеусе и Труворе, ср. запись новгородского летописца в «Археологии» НIЛ: в ответ на призыв словен, кривичей, мери и чуди «избърашася 3 брата с роды своими и пояша со собою дружину многу и предивну и приидоша к Новугороду. И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрикъ, а другыи седе на Белеозере, Синеусъ, а третеи въ Изборьске, имя ему Труворъ». Киевский летописец структурно и даже текстуально повторяет новгородскую версию о призвании варягов—в его рассказе не только фигурируют три брата (это эпическое число, справедливо может возразить читатель), но и роды каждого из них, называются места их поселения с упоминанием конкретных названий; общим является и мотив династического наследования верховной власти потомками старшего брата. В отличие от варяжских братьев, севших в уже существующие города, согласно рассказу киевского летописца, Кий и его братья были основателями поселений, чем подчеркивалась их древность относительно «находников» Рюриковичей. Для конструирования такого рассказа, в котором можно было бы оттенить первичность роли трех братьев как основателей, киевскому летописцу и пришлось весьма кстати армянское предание о трех братьях-эпонимах высокого ранга—это была матрица, удобная некоторым сходством имен. На использование киевским летописцем именно этого предания, как мы отмечали выше, указывает введение летописцем третьего брата Хорива в состав древнейшей киевской легенды о Кие и Щеке—эпонимах, вследствие чего армянская и киевская версии почти полностью совпали не только сюжетно, но и ономастически.

Показав таким образом древность и княжеское достоинство Кия, летописец перешел к прямому опровержению новгородской версии о Кие—перевознике или зверолове, для чего переводит князя Кия из легендарного плана в исторический. Княжеский ранг Кия и реальность его фигуры киевский летописец подтверждает ссылкой на некие рассказы о дунайском походе Кия и о великих почестях, оказанных ему византийским императором («приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари»). Все содержание приведенного выше (с. 173) пассажа киевского летописца о дунайском походе Кия и оказанной ему императором «чести» носит инвенционный характер, обусловленный его полемической заданностью. Летописец не уточняет, к какому именно византийскому императору приходил Кий, согласно каким-то, тоже не уточненным рассказам, и такое умолчание понятно: если бы он назвал имя императора или источник своего рассказа, новгородским оппонентам не составило бы труда опровергнуть его ссылкой на отсутствие сведений об этом в византийских или русских источниках. Рассказ об обратном пути Кия из Царьграда на Дунай, где он «возлюби место и сруби градокъ малъ и хотяше сести с родомъ своимъ и не даша ему ту близь живущии», носит безусловно инвенционный характер, ибо это не что иное, как парафраза повествования ПВЛ о деяниях Святослава. Последний победил

в 967 г. болгар и «седе княжа ту въ Переяславци» на Дунае, а в 971 г. лишь чуть-чуть «не дошелъ Царяграда», поскольку получил большой выкуп от императора, а затем и еще большие дары от него ради заключения мира, скрепленного договором, после чего отправился из Переяславца в Киев[27]. Если же вспомнить дополнения, присутствующие в рассказе Никоновской летописи XVI в. о походе Кия к Царьграду «съ силою ратью», о его воинственности («ратоваше многи страны») и о походе его на волжско-камских болгар (Святослав ходил и на этих болгар[28]), то сходство рассказа из предисловия к ПВЛ о «славных деяниях» Кия с историей Святослава становится еще более полным.

Таким образом, рассказ киевского летописца о Кие, Щеке и Хориве был создан в условиях полемики с новгородской традицией и направлен против варяжско-новгородской концепции в рамках утверждения киевско-полянской теории возникновения Руси. Свидетельству новгородской традиции о происхождении названия Киева от имени простолюдина Кия киевский летописец противопоставил родословную полянского князя Кия, при создании которой он явно отталкивался от новгородско-варяжской легенды о призвании трех братьев, в противовес которой выдвинул рассказ о князе Кие и его братьях—эпонимах, для чего было использовано армянское предание о трех братьях-основателях. Тем самым определяется время возникновения этой развернутой версии вступления к ПВЛ о Кие-князе и его дунайском походе. Этот пассаж—вставка в текст после идентичного рассказа вступления к ПВЛ и «Археологии» НIЛ о Кие и его братьях—родовых вождях (куда, напомним, был добавлен Хорив, сидевший на Хоривице). Поскольку НIЛ—это Начальный свод 1093—1096 гг. (по А. А. Шахматову) или Несторов свод 1115 г. (по М. Х. Алешковскому), можно заключить, что вставка о Кие-князе, его дунайском походе и добавление к числу братьев Хорива были сделаны либо Нестором, либо редактором 1119 г. В связи с этим обращают на себя внимание заметки киевского летописца о его знакомстве с новгородской традицией[29]. Следовательно, надо думать о Несторе, закончившем около 1115 г. переработку Начального свода, т. е. об авторе ПВЛ и вступления к ней как о создателе развернутой кневско-полянской концепции начала Руси и в том числе легенды о Кие-князе, его дунайском походе и его братьях-эпонимах.

Резюмируем нашу реконструкцию основных этапов развития летописной легенды о Кие. В древнейшем киевском своде первой половины или середины XI в. содержалось местное народноэтимологическое пре-

---

[27] ПВЛ, с. 47 сл. Можно отметить даже известное лексическое сходство между рассказом вступления к ПВЛ о походе Кия на Дунай с повествованием ПВЛ о Святославе: к словам рассказа о Кие «приде къ Дунаеви и възлюби место и сруби градокъ малъ и хотяше сести с родомъ своимъ», ср. [«Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ:] «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи» (ПВЛ, с. 13, 48). Только в пребывание Святослава на Дунае и мог возникнуть Киевец, ибо ни ранее, ни позднее киевляне не оставались на Дунае столь длительное время. Само же название городка, безусловно, обязано своим возникновением Киеву, поскольку значение его «малый Киев».

[28] ПСРЛ, т. 9—10, М., 1965, с. 4.

[29] ПВЛ, с. 167, 197: в записи 1096 г. летописец упомянул свою беседу с новгородцем Гюрятой Роговичем, состоявшуюся «преже сих 4 летъ», т. е. в 1092 г. или в 1111 г., либо 1114, если считать автором записи редакторов 1115 или 1118 г.; под 1114 г. летописец сообщил о своем пребывании в Ладоге, куда он вряд ли попал, минуя Новгород. Обе записи показывают возможные пути ознакомления киевского летописца с новгородской трактовкой ранней истории Руси.

дание о Кие, родовом вожде и эпониме, а также, вероятно, о его брате Щеке и сестре Лыбеди. В новгородской летописи 1057—1059 гг. была выдвинута версия о первенстве Новгорода перед Киевом, в связи с чем социальный ранг Кия был низведен до простолюдина. Автор ПВЛ (во вступлении к ПВЛ, написанном им же) в противовес новгородской традиции о трех братьях-варягах, основателях Русского государства, выдвинул концепцию полянско-киевского происхождения Руси, в связи с чем переработал древнейшую киевскую легенду о Кие. В его версии Кий был сделан князем масштаба киевских князей X—XI вв. Новгородской традиции о призвании трех братьев-варягов автор ПВЛ противопоставил свою версию о трех киевских братьях-основателях, удобной матрицей для создания которой, подходящей сходством имен и названий, послужило известное ему армянское предание о братьях-эпонимах Куаре, Мелди и Хореане.

В заключение рассмотрим естественно встающий вопрос о путях проникновения армянского сказания в Киев. В различных источниках, начиная с IX в., имеются упоминания об армянах в Киеве, подробно рассмотренные Я. Р. Дашкевичем[30]. До середины XI в. армянское присутствие в Киеве носило случайный характер (сюда относится упоминание ал-Якуби (умер в 897 или 905 г.) эмиграции части армянской знати вследствие арабского погрома в 845 г. в Византию, к хазарам и к «правителю славян», которым мог быть киевский князь; также наличие нескольких букв армянского алфавита на мраморном саркофаге Ярослава Мудрого). Однако уже в 80—90-х гг. XI в., по заключению Я. Р. Дашкевича, в Киеве имелась армянская колония, на что указывают данные жизнеописания св. Агапита из «Киево-Печерского патерика» (в послании об Агапите, восходящем к жизнеописанию св. Антония Печерского, которое возникло в конце 80—начале 90-х гг. XI в., упоминается искусный врач, родом армянин, пользовавший киевскую знать, а также его единоверцы, проживавшие в Киеве)[31]. От членов этой армянской колонии киевский летописец мог узнать предание о Куаре, Мелтее и Хореане, представляющее собой эпизод рассказа о победном шествии христианства по Армении в IV в. (как мы упоминали, христианский проповедник Григор Лусаворич уничтожает языческое святилище, наследственными жрецами в котором были потомки Куара, и основывает на его месте монастырь св. Карапета). Поскольку летописание велось в киевских монастырях, небезынтересно отметить в этой связи, что киевские армяне, несмотря на свое монофизитство, были вхожи в эти монастыри: согласно жизнеописанию св. Агапита, армянский врач напустил на Агапита своих единоверцев, которые пытались отравить святого; затем он сам посещает святого в его келье и в конце концов постригается в иноки Печерского монастыря[32]. Обличение армян-

[30] Ya. Dachkévytch. Les arméniens a Kiev. — REArm., 10, 1973—1974, p. 305—358; 11, 1975—1976, p. 323—375. (Пользуюсь случаем поблагодарить автора за любезно присланные мне оттиски его статьи, отсутствующей в библиотеках Москвы). Вскользь вопрос об армянах в Киеве затрагивали также В. К. Восканян, Л. С. Хачикян (см. их статьи в сб.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван. 1961, с. 63, 110—113).

[31] Ya. Dachkévytch. Les arméniens a Kiev.—REArm., 11, 1975—1976, p. 330.

[32] «Отселе воружаеться на нь иновериый, научая тожеверникы своя, хотя умориті мниха смертным зелиемъ. Блаженый же пияше без пакости, ничтоже зла приемля» (Києво-Печерський патерик. Київ, 1931, с. 129, рук. А). Иными словами, какие-то единоверцы армянского врача, может быть, его помощники, доставили св. Агапиту зелье в монастырь (святой никогда не покидал свою келью).

ского монофизитства исходило из окружения греческих митрополитов Киева, и естественно думать, что оппозиционно настроенная к грекам часть русского духовенства относилась терпимее к «армянской ереси»; в частности, единство всех ортодоксальных христиан сознавал Нестор, автор ПВЛ и ее предисловия, создатель легенды о князе Кие[33].

Трансмиссия армянской легенды могла быть осуществлена и армянскими купцами, приходившими в Киев. В частности, писатель XII в. ал-Идриси упоминает купцов из Армении, прибывающих в Кукийану[34]. Поскольку это известие связано с рассказом о трех центрах Руси (Кукийана, Слав, Арсанийа), его следует датировать X в., когда возникла эта традиция (стоявшие у ее истоков ал-Истахри и Ибн Хаукаль первый центр именовали Куйабой)[35]. Торговый путь из Армении в Киевскую Русь, возникший в IX—X вв., стал в XI—XII вв. одним из ответвлений торгового пути из Западной Европы в Переднюю Азию, что предполагает достаточную освоенность его отрезка между Киевом и Арменией[36]. По этому пути ходили и киевские купцы, имевшие, как можно предполагать, возможность на месте познакомиться с историей христианизации Армении, в том числе, вероятно, с деятельностью Григора Лусаворича или историей монастыря св. Карапета, в общем, с таронскими сказаниями[37].

Следовательно, было несколько путей возможного проникновения армянского предания о Куаре, Мелтее и Хореане в Киев, где его принял к сведению и использовал автор предисловия к ПВЛ. Впрочем, не только он, но и пребывавшие в Киеве армяне могли обратить внимание киевлян на сходство названий и имен Палуник—поляне, Куар—Кий, Карапет (Лебедь)—Лыбедь. Мы не настаиваем, разумеется, на бесспорности всех своих заключений, но полагаем основательность двух своих выводов—о хронологическом приоритете армянского сказания перед

---

[33] «Мы же хрестияне, елико земль, иже верують въ святую Троицю и въ едино крещенье, въ едину веру, законъ имамъ единь, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» (ПВЛ, с. 16). Эту черту мировоззрения автора предисловия ПВЛ отмечал М. Х. Алешковский (Повесть временных лет, с. 46). Правда, ссылка на веру в св. Троицу показывает, что Нестор, говоря о единстве всех христиан ортодоксального направления, не включал в их число монофизитов.

[34] В. М. Бейлис. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель.—Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984, с. 215. Ал-Истахри называет этих купцов мусульманами, но ясно, что как армяне они были христианами.

[35] По поводу традиции ранней арабской географической литературы о трех центрах Руси см.: А. П. Новосельцев. Восточные источники, с. 408 сл.

[36] Между 1175—1185 гг. купец раби Петахия ездил из Регенсбурга в Багдад через Польшу, Киев, Крым, Грузию, Армению (см.: Три еврейские путешественники XI и XII столетий. Спб., 1881. с. 3 и предисловие П. В. Марголина к бревиарию повествования раби Петахия). Существование этого пути уже в X в. не только логически вытекает из принадлежности известия ал-Идриси к традиции о трех центрах Руси, но и подтверждается свидетельством Константина Багрянородного (De adm.imp. § 42) о поездках русов в Сиркю по Днепру через Черную Булгарию и Хазарию, т. е. через Северный Кавказ и, следовательно, Закавказье, а не Константинополь. Ср. также известие Ибн Хордадбеха (ок. 885 г.) о поездках купцов-русов через Танаис (Дон) и Хазарию в Багдад, т. е. через Закавказье (Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. с. 124).

[37] Ал-Идриси в упомянутом рассказе о поездках купцов из Армении в Кукийану добавляет, что статьями вывоза купцов Кукийаны (т. е. из Киева в Армению) были шкуры черных леопардов, черных лисиц и свинец (олово).

киевским и о сложении киевской легенды о Кие и братьях-основателях княжеского достоинства, во-первых, в условиях полемики с новгородской традицией о начале Руси и, во-вторых, под вероятным воздействием армянского предания.

ԿԻՅԻ, ՇՉԵԿԻ ԵՎ ԽՈՐԻՎԻ ՄԱՍԻՆ ԼԵԳԵՆԴԸ ՈՐՊԵՍ ԿԻԵՎԻ ԵՎ ՆՈՎԳՈՐՈԴԻ ԺԱՄԱՆԱԿԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԲԱՆԱՎԵՃԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔ ԵՎ ԿՈՒԱՌԻ, ՄԵՂՏԵՍԻ, ՀՈՌԵԱՆԻ ՄԱՍԻՆ ՏԱՐՈՆԻ ԶՐՈՒՅՑԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՆՐԱ ՎՐԱ

Վ. Պ. ՅԱՅԼԵՆԿՈ (Մոսկվա)

Ամփոփում

Հոդվածում քննադատվում է Հին Ռուսիայի պատմությամբ զբաղվող մասնագետների այն կարծիքը, թե իբր Կուառի, Մեղտեսի, Հոռեանի մասին Տարոնի զրույցը ծագում է Կիյի, Շչեկի և Խորիվի մասին կիևյան լեգենդից և նշվում, որ V—VIII դդ. Կիեը մի աննշան բնակավայր էր և նրա հիմնադրի մասին լեգենդը չէր կարող հասնել Հայաստան։ Մինչդեռ Տարոնի զրույցը, ինչպես ցույց է տվել Ս. Տ. Երեմյանը, հնադույն, տեղական զրույց է, որը ժողովրդական ստուգաբանության միջոցով բացատրում է իրականում գոյություն ունեցող բնակավայրերի անվանումները։ Ինչ վերաբերում է կիևյան լեգենդին, ապա Կիևյան Ռուսիայի ժամանակներում իրապես գոյություն ունեին միայն Կիևյան լեռան և Շչեկովիցայի վրայի բնակավայրերը և Կիյի ու Շչեկի՝ որպես դրանց հիմնադիրների մասին առասպելը։ Խորիվիցա բնակավայրը և նրա էպոնիմ Խորիվին ստեղծել է «Повесть временных лет»-ի հեղինակը Կուառի, Մեղտեսի, Հոռեանի մասին զրույցի նմանողությամբ։ Սա անհրաժեշտ էր նրան Նովգորոդի նկատմամբ Կիևի առաջնությունը հաստատելու համար։ Նովգորոդյան ժամանակագիրները Ռուսիայում առաջին տեղը տալիս էին Նովգորոդին, իսկ Կիյին համարում էին ռամիկ։ Ռուսական պետությունը հիմնող երեք վայրագ եղբայրների մասին Նովգորոդյան լեգենդին Կիևի ժամանակագիրը հակադրեց իր վարկածը Կիև քաղաքի և Ռյուրիկովիչներից առաջ եղած տեղական հարստության հիմնադիր, պոլյանների հզոր իշխան Կիյի մասին։ Տարոնի զրույցը Կիևի ժամանակագրին կարող էր հասած լինել Կիևի հայկական գաղութի կամ հայ վաճառականների միջոցով։

По просьбе автора гонорар за статью перечисляется в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.